

Михаил
Пак

АНГЕЛЬСКИЕ ТРУБЫ

Рассказ

1

Этому событию Гохо придавал особое значение. Оно было для него сродни какому-то ритуалу. Всякий раз, когда Гохо принимал решение отправиться туда, он тщательно готовился. Принимал душ, брился и надевал свежую выглаженную одежду...

На улице Гохо купил пакет печеных бататов и по пути к стоянке такси съел один. Этот горячий, сладкий, ароматный клубень напоминал ему о далеком детстве, когда они с ребятами разводили костер в поле и пекли на углях только что выкопанные бататы.

Ехал он недолго, миновал мост через реку Ханган и вышел у квартала Ёндынпхо-Гу. А дальше двинулся пешком по знакомому маршруту. Возле мини-маркета поворот направо, затем через метров сорок – налево, а там снова направо. Чем ближе он был к заветному месту, тем тусклее становилось вокруг освещение, словно кто-то специально распорядился убрать здесь фонари.

И вот за следующим темным углом его взору открылась улочка, стыдливо-девственная, освещенная розовым светом, падающим из раздвинутых настежь дверей приземистых построек, которые казались Гохо настолько хрупкими, будто вот-вот рассыплются от малейшего дуновения ветра. Это место – остров греха и пороков. Это – Млечный Путь во Вселенной. Здесь понятие праведности разбивалось, как стекло, на тысячи осколков. Здесь женщины за определенную плату распаивали свои объятия мужчинам: молодым, старым, безусым юнцам, красивым, уродливым – всем, кто заплатит. Здесь люди жили в мирке, где царили свои порядки. Здесь клиентам оказывали особые привилегии – давали на всё про всё сорок пять минут времени. В других же местах, говорили: всего пятнадцать минут. Пятнадцать минут прошли, и будь добр, вытряхивайся. Что можно сделать за пятнадцать минут? Человек, что, животное? Кобель совокупился с сучкой где попало, отряхнулся и пошел прочь?

Гохо ходил сюда много раз и никогда не задумывался, насколько его поступок соответствовал правилам морали. Как не думал он и о том, нравственны ли деяния находящихся тут женщин, отдающихся за деньги незнакомым мужчинам. Он только считал, что всё в этом мире предопределено и каждый человек занимает свою ячейку, подобно кирпичику в строящемся здании.

Гохо был тут не завсегда в полном понимании этого слова, но раз в месяц «заплывал на сей остров», чтобы, как он полагал, уравновесить в своей телесности энергию Инь и Ян. Не более того.

Обычно, ступая на здешнюю улочку, он ощущал легкое волнение. Ведь в какой-то мере предстоящая встреча представлялась для него пусть небольшим, но праздником. Вот и сейчас, остановившись у кромки розового света на асфальте, Гохо ощутил, как легкая теплая волна окатывает его всего.

Признаться, он никогда не запоминал лиц женщин, с которыми проводил здесь время, не спрашивал у них имени, не интересовался их историями и ни к кому не прикипал, что называется, душой и сердцем. Они все были молоденькие, а тела их – точеные, будто из мрамора. Разумеется, для Гохо имела важное значение внешность женщины, хотя, казалось, все они были здесь, как на подбор, привлекательными.

Замешкавшись на несколько секунд у границы света и тьмы, Гохо зашагал дальше. По мере движения вперед то слева, то справа доносились воркующие, зазывающие голоса девушек, стоявших в проёмах стеклянных дверей в мини-юбочках и тонких, прозрачных кофточках. Он прошёл к середине улочки, придержал шаг и, вместо того чтобы взглянуть на ближайшую путану, как это делал всегда, не раздумывая, вошёл в помещение. Оказавшись в тесном холле, Гохо машинально поднялся по узкой лестнице на второй этаж. Следом за ним застучали каблук, – и девушка, опередив его, тонкой рукой открыла боковую дверь, сказав:

– Сюда, пожалуйста!

Небольшая комнатка с нехитрым набором необходимых вещей: деревянная кровать, у изголовья шкафчик-бюро, стул, вешалка на стене.

Он достал бумажник, отсчитал купюры, протянул девушке. Та со словами: «Я сейчас, а вы приготовьтесь», – вышла. Гохо положил на стул свою потёртую матерчатую сумку, которая годилась ему на все случаи жизни, повесил на вешалку пиджак и уселся на кровать. Огляделся.

На шкафчике стояли будильник, маленькое овальное зеркальце и фотография в рамке с изображением каких-то парней, вероятно, музыкантов рок-группы.

Вскоре явилась девушка.

– Что же вы не разделись? – молвила она. – Вам помочь?

– Нет, – сказал Гохо и, подняв голову, посмотрел на неё, привлеченный редким теплым голосом, не таким заученным, какой он слышал доселе.

Обыкновенная девушка, не полная, не худая, среднего роста, с открытым лицом и слегка вьющимися волосами, спадающими на плечи. Он снял рубашку, повесил на спинку стула. А она всё стояла подле и ждала. Гохо вновь посмотрел на неё. В больших карих глазах девушки отражалась кротость, какую он давно не встречал, кротость, присущую лишь провинциалкам, неожиданно оказавшимся в большом городе и оттого выглядевшим еще и растерянными.

– Ты новенькая? – спросил Гохо.

– Да, – ответила она. – Всего неделю я здесь... А как вы догадались?

– Так, – сказал он и спросил ещё: – Как тебя зовут?

– Исиль, – назвав своё имя, девушка расстегнула пуговицы на своей тонкой кофточке, сняла, положила на табурет, сняла юбочку. И, оставшись голой, легла на кровать. Гохо же необходимо было скинуть брюки. Но ему вдруг расхотелось делать то, зачем явился. Пред ним лежала девушка – одна из тех, с которыми он никогда не вёл бесед. Но с этой он нынче почему-то заговорил. И даже узнал её имя – Исиль.

– Послушай, – начал он, чётко выговаривая неожиданные для себя самого слова, возникшие в его голове в эти самые секунды. – Ты могла бы поехать со мной на остров Намхе? На три дня. За каждый день я заплачу тебе миллион вон.

– А? – не поняла Исиль и, округлив глаза, присела. – Что вы сказали, дядя?

– Я бы хотел, Исиль, чтобы ты поехала со мной на остров. Заплачу тебе за три дня три миллиона.

– В самом деле?! А что я там должна делать?

– Просто быть со мной.

– Да?.. Вот вы даете, дядя... И что на вас нашло?

– Так...

– Ничего не выйдет... Я же только устроилась тут.

Гохо надел рубашку.

– А денег, что вы дали, дядя, моя хозяйка уже не вернёт вам.

– Не нужно.

Гохо снял с вешалки пиджак, подобрал сумку.

– Вы бы посидели минут десять, дядя, – попросила Исиль. – А то хозяйка подумает, что гость ушёл раньше времени по моей вине.

Гохо присел на кровать, помешкал секунду, достал из сумки пакетик с печеными бататами, протянул девушке.

– Ах! – обрадовалась она. – Батат! Я обожаю его с детства!

Исиль присела рядом, свесила ноги, почистила батат, подала Гохо:

– Сначала вы, дядя.

– Спасибо!

Они сидели рядом и ели батат, он одетый, а она голая. И в этой ее наготе было бесконечно нежное и трогательное, и одновременно щемяще хрупкое. «Девушка, поедающая батат» – промелькнул в его голове образ, и даже представил он готовую картину, написанную в теплых тонах.

– Откуда ты будешь? – спросил Гохо.

– Из провинции Кёнсангдо, – ответила Исиль. – В маленькой деревне я жила.

– Родные есть?

– Да. Папа, мама, брат, сестра.

– Дом, стало быть, большой?

– Нет, обыкновенный. А ещё у нас два быка, пять коров и три телёнка.

«Как ты здесь оказалась?» – хотел спросить ещё Гохо, но передумал. Незачем, ни к чему это.

– У тебя есть листочек бумаги? – попросил он.

– Ага, – Исиль достала из шкафчика блокнот, вырвала лист. Достала и ручку. Подала ему. Гохо записал.

– Это мой телефон, – сказал он. – Позвони, как надумаешь.

– Что, правда? – удивилась Исиль. – Я думала, что вы шутите, дядя...

Наступила пауза.

– Там, на большой улице, есть кофейня, – сказал Гохо. – Сразу за перекрёстком, на углу. Я там часто сижу.

– Я тоже люблю кофейни Сеула, – сказала Исиль и оделась. – Каждое заведение по-своему и со вкусом оформлено и так уютно. А какой кофе вы любите, капучино или эспрессо?

– Когда как, когда капучино, когда эспрессо.

– А я всегда беру кофе латте. И сижу долго, смакую. Слушаю музыку и смотрю, как по улице люди идут. И все незнакомые. В нашей деревне все друг друга знают.

Помолчали.

– Пожалуй, пойду, – сказал Гохо и встал.

– Удачи вам, дядя, – отозвалась девушка. И проводила гостя вниз.

2

Гохо сидел в кофейне, где, как всегда в это время, было немногочисленно, отпивал из чашки и смотрел наружу под тихое журчание музыки. Надо заканчивать с этим делом, подумал он, перестать ходить сюда.

Он вспомнил девушку Исиль, её редкий привлекательный образ. Со временем всё изменится, она делается такой, как все на той улочке, и её голос станет заезженным, как у робота, лишенным всякого тепла.

Сквозь легкую музыку пробивалась, будто из туманной дали, трель телефона. Гохо достал из сумки аппарат и услышал голос:

– Это Исиль, дядя! Вы где, в кофейне?

– Да, – ответил Гохо.

– Я скоро буду, ждите.

– Ладно.

Вскоре она подошла. В светлых брюках и в голубой кофте, на шее красовалась серебряная тонкая цепочка. На плече черная кожаная сумочка. Если бы Гохо встретил её на улице, не узнал бы. Исиль взяла себе кружку латте и под села к нему.

– Ну, вот, – сказала она решительно. – Я готова ехать с вами, дядя.

– А что ты сказала хозяйке? – спросил Гохо.

– Сказала, что из дома позвонили, – ответила девушка. – Что мама сломала руку и что мне надо срочно навестить её. А она и вправду сломала, побежала за телёнком и неудачно упала. Только это было ещё в прошлом году.

– Вон как, – кивнул Гохо. – Перелом руки – это серьезно.

– Так всё уже зажило. А вас, дядя, как зовут?

– Гохо.

– Какое смешное имя.

– Это не имя. Прозвище. Ещё в школе меня так называли за моё увлечение рисованием. Я везде ходил с карандашом и альбомом. А потом и в институте так стали звать. Я привык. А вообще в Корее великого художника Винсента Ван Гога называют коротко – Гохо.

– Правда? Так вы, дядя, художник?

– Да. Только не такой великий, как Винсент Ван Гог.

– Ну вы даете, дядя! Первый раз встречаю живого художника. А я подумала, что вы водителем где-то работаете или что-то в этом роде. Я всегда считала музыкантов и художников небожителями.

– Небожителями?

– Ага.

– Так, наверное, и есть. Когда мы работаем, в своём вдохновении мы как бы в небо поднимаемся, а потом на землю опускаемся.

– А как ваше настоящее имя, дядя?

– Ан Седжу.

– Понятно. А можно, я тоже буду звать вас Гохо?

– Можно.

– Скажите, Гохо, а когда мы поедем на остров? Намхе, вы говорили?

– Да, Намхе. Я собирался туда на этюды. Поедем завтра.

– А скажите, Гохо, – Исиль внимательно посмотрела на мужчину, – разве вам не жаль расставаться с такими большими деньгами? Многие три месяца пашут, чтобы их заработать. А вы предлагаете их мне за три дня. Только сумасшедший на такое пойдет. Хотя на сумасшедшего вы не похожи. Мне деньги нужны, и я согласна. Да любая из нас клюнула бы! Не встретить меня, вы бы другой предложили, верно?

– Другой – нет, – ответил Гохо.

– Нет? Почему?..

– Видишь ли... – Гохо взглянул на неё и, не закончив свою мысль, произнёс: – Всё. Допиваем кофе и едем. Надо ещё собраться в дорогу.

– Хорошо. Только я проголодалась. У вас дома есть еда?

– Найдем.

– Только вы не подумайте, что я неумеха. Я умею готовить. У нас в деревне все девочки с детства учатся этому.

3

Гохо жил в старом кирпичном доме, вход в его квартиру был с торца здания. Они поднялись по железным ступеням узкой, похожей на пожарную лестницы. Гохо отпер ключом дверь. Три комнаты, не считая гостиной. Самая большая служила ему мастерской, во второй он спал, а третья была вроде запасника, куда художник складывал готовые полотна.

Исиль с нескрываемым любопытством оглядела жильё художника: потрогала старый мольберт, коснулась пальцем палитры, прошлась вдоль стеллажа, где стояли склянки и бутылёчки с разбавителем, льняным маслом и громоздились горкой тюбики красок. Вновь взглянула на картины, висящие на стенах.

– Здорово, – проговорила она. – Неужели это всё вы нарисовали?

– Ага, – ответил Гохо.

– В картинах я ничего не понимаю, но всё очень красиво. Река, горы... Лес... Голая женщина лежит... Вот еще женщина, сидит... Ещё.... А почему у вас так много голых женщин?

– Женщина – это сама природа.

– Да? А они что, к вам приходят и позируют?

– Бывает – позируют. Но больше я изображаю по памяти, беру из головы.

– В самом деле?.. Вот же... Ладно, пошла я готовить.

Исиль стала хозяйничать на кухне. Гохо же стал собираться: складывал в рюкзак сменную одежду, а в дорожную сумку – художественные принадлежности, краски, кисти, склянки с разбавителем. Затем он связал бечёвкой с десяток небольших холстов. Присел на табурет, раздумывая, что еще следует взять в дорогу, посмотрел на хлопчущую на кухне девушку – и невольно загляделся на неё. Исиль возилась у газовой плиты по-домашнему деловито, без суеты, все её движения были проникнуты спокойствием и уверенностью. Художник вдруг подумал, что в его дом вернулось нечто давно позабытое, канувшее в прошлое. А ещё он удивлялся странностям человеческого бытия, тому, как жизнь может застать врасплох человека самым неожиданным образом, – настолько разлилась картина, которую он видел

сейчас, с той, что наблюдал час назад. В кастрюле что-то булькало, и вкусный запах пищи моментально заполнил весь дом.

В какой-то момент их взгляды встретились, и Гохо, смутившись, продолжил складывать вещи.

Потом они сели за стол.

– Очень вкусно, – счёл нужным похвалить Гохо, поедая суп.

Он сразу это почувствовал. Девушка использовала обыкновенные продукты: морковь, лук, кабачок, соевый творог, мелкую рыбешку – мелочи. Но в итоге суп получился у неё отменным и своеобразным, совсем не похожим на то, что он готовил сам или ел на улице в столовках и забегаловках.

– Угу, – кивнула Исиль. – В нашей деревне все хозяйки вкусно готовят. А вам кто варит еду?

– Никто, я сам.

– Понятно. А у вас чисто, не скажешь, что один живёте.

– Когда грязно, не могу работать. Завёл правило – утром первым делом навожу порядок.

– Правильно. Хорошие мысли приходят в чистоте.

– А почему ты в город приехала? – спросил Гохо.

– Что я пошла работать на улицу красных фонарей? – спокойно отреагировала Исиль. – Так. Дурость... Не хотела у родителей деньги просить. Да ещё брат надумал жениться. Расходы на дом лягут. Скучно в деревне, в городе лучше, больше возможностей. Я шить люблю. На курсы пойти опять же деньги нужны. Поработаю, а там видно будет. А вы, Гохо, почему не женитесь?

– Был я женат. Расстались. Давно. Сыну 15 лет, живет с матерью в Канаде.

– Пишет сын-то?

– Поначалу писал. Сейчас – нет. У него там уже другой отец. Отчим.

– Ну, это... Не надо отчаиваться. Вы, конечно, не молоды, но и совсем не старый. Построите ещё семью. Вон сколько женщин к вам приходит, позирует.

И правда, подумал Гохо, мог бы сделать из какой-нибудь натурщицы пусть не жену, но любовницу. Не вышло, не сложилось.

– А скажите, как отличить хорошую картину от плохой? – спросила ещё Исиль.

– Например, простому человеку, как мне.

– Любое дело достигается трудом, – ответил Гохо. – Надо ходить на выставки, смотреть, сравнивать. Постепенно к человеку приходит понимание прекрасного. То есть необходимы знания. Надо читать и специальную литературу, и художественную. Ты любишь читать?

– В детстве любила, а потом как-то не до того стало.

– Что так?

– Родителям помогала по хозяйству. Огород, готовка пищи, то да сё. Коров пасла. Конечно, всё это отговорки. Читать при желании можно было. В нашей деревне и библиотека есть.

– Понятно.

– А вы, Гохо, за границей бывали?

– Да. В Германии, Италии, Франции, Норвегии, России, Китае, Японии... Я там был со своими выставками.

– Ого! А я еще никуда не ездила.

– Какие твои годы... Поедешь.

– А друзья у вас есть?

– Есть. Но я с ними только на выставках и вижу. Каждый занят своим делом.

Есть у меня еще русский друг Роман Маслов, он живёт во Владивостоке. Мы с ним лет десять назад на совместной выставке русских и корейских художников в Сеуле познакомились. Я у него дома был несколько раз, и он у меня тоже. Хороший человек.

– Так вы знаете русский язык?

– Немного.

– Здорово. А я полный профан, книг не читаю, языков не знаю... Ладно, пойду мыть посуду.

Гостю для сна он предоставил свою кровать, предварительно застав её свежим бельём, а сам лёг на диване в мастерской.

Они выехали рано утром. У Гохо был старый джип, оборудованный для перевозки картин: без заднего сиденья, с удобным багажным отсеком.

Поток автомобилей на трассе двигался вперед медленно, но без затора. Примерно через час-полтора, когда на шоссе стало свободней и можно было прибавить газу, Гохо завернул на площадку отдыха, где стояло два десятка рейсовых автобусов и частных машин. Несмотря на рань, здесь было много народу. Люди толпились у забегаловок, кафешек и магазинчиков, чтобы подкрепиться или купить провизии.

Гохо с Исиль позавтракали по-европейски, омлетом и поджаренным на тостере белым хлебом. И выпили по чашке кофе. Затем продолжили путь.

Художник включил радио, покрутил ручку настройки.

– Ты какую музыку любишь? – спросил он девушку.

– Не знаю, – призналась Исиль. – Классику я не понимаю, современный рэп тоже. Эти ребята так быстро слова произносят, не поймешь, о чём их песни. Мне нравится душевное, как поют Чо Ёнпиль и И Суни. А вы, Гохо, что любите?

– Всего понемногу, и классику, и легкую музыку, и джаз.

– Понятно. А скажите, Гохо, вы боитесь смерти?

– Да, боюсь.

– А я – нет.

– Это потому, что ты ещё слишком молода. Потому что у тебя вся жизнь впереди. Но жизнь быстротечна.

– Да нет, дядя. Я и вправду не боюсь смерти. Чего её бояться? А вот вы, мужчины, по-другому устроены. Вы даже к зубному врачу боитесь идти, страшитесь боли.

– Да, это так, – рассмеялся Гохо. – Ужас, как боюсь зубных врачей!

Помолчали. Из динамика доносилась скрипичная музыка. Это был этюд Сен-Санса в форме вальса, который художник слышал много раз – у него была коллекция музыкальных дисков, и зачастую под музыку он писал картины.

– А на острове где мы будем жить? – спросила Исиль. – В гостинице?

– В домике рыбака, – ответил Гохо.

– В доме рыбака? Он ваш знакомый?

– Нет. Я по Интернету нашёл тот дом. Ещё до того, как с тобой познакомился. А вчера я написал хозяйке сообщение, что утром выезжаю.

– Вот как? А вы написали, что вы художник?

– Да. Написал, что еду писать этюды со своей ученицей.

– Да? – удивилась Исиль. – Прямо так и сказали?! Но я же не рисую!

– Это не имеет значения, – улыбнулся Гохо. – Кому какое дело, кто мы. А хозяйка вроде неплохая. Она сказала, что дом ее стоит в ста метрах от моря.

– Правда? Очень интересно.

Ехали они долго, около пяти часов, Исиль даже вздремнула. Когда она открыла глаза, то увидела справа за окном синее море и впереди вдалеке мост с яркими ажурными перекрытиями, соединяющий остров с городом Самчонпхо.

– Мы уже приехали?! – обрадовалась девушка. – Здорово! Этот мост я видела в журналах!

– Я был здесь очень давно, когда моста еще не было, – сказал Гохо. – Тогда я добирался до острова на пароме.

– Понятно. Ух! Какая красота!..

Когда они въехали на мост, Исиль, не скрывая своего восторга, вскричала, словно ребёнок:

– Ва!.. Я, как птица, лечу над морем!

Вскоре мост остался позади, а впереди на высоком холме завиднелся плакат с надписью «Welcome to Namhe!».

4

Рыбацкий дом и правда стоял на берегу моря, скрытый от дороги густой листвой платанов. Белый небольшой домик с двумя окнами, под розовой черепицей. Крыльцо, виноградник, под виноградником топчан, застеленный соломенной циновкой, на ней сушился красный перец.

Гохо въехал в проём живой изгороди и во дворе заглушил мотор. Путешественники вышли из машины, огляделись. Внимание Исиль тотчас привлекло необычное растение, росшее у изгороди, – кустарник в человеческий рост, с широкими листьями и желтыми кувшинчатыми цветами. Необычными были именно цветы, которые не смотрели вверх, а свисали, точно гирлянды.

– Эти цветы называются «ангельские трубы», – сказал Гохо.

– Правда? – удивилась девушка. – Почему они так называются?

– Не знаю. Хотя, наверное, объяснение этому есть.

В это время появилась хозяйка, невысокая женщина, лет шестидесяти, в простой рубашке и шароварах, с загорелым широким лицом.

– Как доехали? – спросила она вместо приветствия.

– Здравствуйте! – сказал Гохо. – Спасибо! Всё хорошо.

– Ну и ладненько, – оглядев гостей, женщина кивнула. – Идемте, покажу..

Внутри дома было вполне просторно и уютно. Две отдельные комнаты. Гостиная совмещена с кухней. На плите дымился котелок.

– Располагайтесь, – сказала хозяйка. – В шкафу постель, одеяла, всё новое. Работают телевизор, холодильник, Интернет. Я вам сварила рыбный суп, наверное, проголодались с дороги.

– Спасибо за угощение, – отозвалась Исиль. – Я уже по запаху чувствую – вкусно.

– Суп из камбалы и овощей, – сказала женщина. – Тут у нас всякой рыбы на рынке достаточно. А дальше сами будете готовить. Я по соседству живу, крикнете, если что понадобится. А это дом моего брата, он был рыбаком, погиб четыре года назад, вышел в море и пропал. Шторм тогда случился. Лодку нашли потом, а его самого нет. Ему было всего сорок три.

– Вот же как, – сочувственно произнёс Гохо. – А дети у него остались?
– Нет. Жена его даже слезинки не проронила, когда муж пропал, собрала шмотки и умотала в город. Сын тут ремонт сделал. Устраивайтесь. Вы будете первые гости. Пошла я.

5

В этот же день Гохо написал свою первую картину на острове. Он написал не морской пейзаж, а ангельские трубы, освещенные полуденным солнцем. Цветы, свисающие с ветвей, точно гирлянды, от светло-желтого до оранжевого и золотистого, с пушистыми серебряными пестиками внутри. Казалось, что прозрачные гирлянды, касаясь друг друга от легкого дуновения ветерка, издавали едва слышимую мелодию.

Исиль долго наблюдала за работой художника, как он размешивал на палитре краски и наносил мазки на холст, а позже, когда он завершил картину, сказала:

– Ничего не было – и вот цветы готовы! Как живые! А вас, Гохо, не смущает, когда за спиной люди подглядывают?

– Нет, – ответил мужчина. – Когда я работаю, ничего вокруг не замечаю.

– Понятно. Я не могла оторваться, наблюдая, как картина рождается.

Художник занес готовый холст в дом.

Ужинали они в забегаловке неподалёку от рынка, после чего весь вечер колесили по острову. Остановились у кафе на берегу моря, пили кофе под тентом и любовались закатом. Гохо объяснил девушке, что художники пишут вечернюю зарю, потому что она вызывает волнующие чувства, приглушает все краски уходящего дня, умиротворяет всё окружающее, заставляет человека думать о сокровенном. И утреннюю зарю пишут, потому что она несёт миру пробуждение и вдохновение, растворяет в людях все ложные сомнения, тревоги и страхи и дарит надежду.

Вернулись они поздно. И сразу легли спать, каждый в своей комнате.

Три дня пролетели незаметно.

Утром четвертого дня, после завтрака, Гохо отдал девушке тугой конверт. Та, не считая, положила деньги в сумочку.

– Я отвезу тебя на автовокзал, – сказал художник.

– Не нужно, – ответила Исиль. – Через дорогу автобусная остановка. Сама доеду.

Она оглядела напоследок все этюды, прислоненные к стене.

– Вы сколько еще собираетесь здесь быть?

– Не знаю, – был ответ.

Мужчина подошёл к холсту с написанными ангельскими трубами, завернул его в газету, обмотал скотчем, протянул Исиль.

– Возьми, цветы ведь тебе нравятся.

– Угу, – сказала Исиль.

– Краски еще не совсем высохли, приедешь к себе, разверни.

– Ладно.

У двери она замешкалась, повернувшись к художнику, сказала вполголоса, будто размышляя вслух:

– Станный вы, Гохо... Ночью со мной не спали... Отвалили денег, непонятно за что, и картину дали... Станный... Прощайте.

Девушка вышла.

Гохо остался один, опустился на циночки и сидел так долго, потом последовал во двор, подошёл к изгороди и посмотрел на море. Там вдалеке покачивались рыбацкие джонки.

В это время появилась хозяйка дома. Сказала:

– А девушка, ученица ваша, я видела, в автобус села. Что так скоро уехала?

– Дела позвали, – ответил Гохо.

6

Весь день художник пребывал в растерянности, будто не в себе, из рук его всё валилось, за что бы он ни взялся. К вечеру Гохо поехал в отдаленный уголок острова, чтобы написать пейзаж со скалистым берегом, но этюд у него получился блеклым. Да и сам Гохо выглядел так, словно из него вынули жизнь. Он соскоблил мастихином всю краску с холста.

Наутро, когда он позавтракал, пришла хозяйка, принесла в корзиночке хурмы. Сказала:

– Вы много работаете, вам нужны витамины. Эта хурма с моего дерева.

– Спасибо! – поблагодарил Гохо.

– А скажите, смогли бы вы нарисовать красками моего брата? – спросила хозяйка.

– Брата? – переспросил Гохо.

– Ну да.

– А есть его фотография?

– Есть давняя, школьная. Джечу не любил фотографироваться. Сейчас принесу.

Женщина ушла и вскоре вернулась с фотографией в руке, подала художнику. Старый школьный групповой снимок. Дюжина детей – загорелые и почти все на одно лицо. Хозяйка указала на мальчика, стоявшего с самого края в верхнем ряду.

– А другой фотографии нет? – спросил Гохо.

– Нету. Он не любил фотографироваться. Правда, была еще свадебная. Но жена его однажды в дурном настроении разорвала фотографию.

– Сложно, знаете, так... Вы говорили, ему было...

– Сорок три.

– Я подумаю, что можно сделать.

– Правда? Постарайтесь уж, я заплачу.

– Это лишнее.

Женщина удалилась, а художник приготовил этюдник, поставил на него чистый холст. Стал снова смотреть на фотографию. Мальчик по имени Джечу, лет четырнадцать, загорелый, постриженный коротко, смотрел на художника из далей ушедшего времени. Гохо никак не мог представить мальчика взрослым, сороклетним.

Через три дня портрет был готов.

Гохо написал мужчину одетым в ветровку, на фоне моря, с загорелым обветренным лицом и мечтательными глазами.

Пришла хозяйка, взглянула на портрет и прижала руки к груди.

– Похож, – проговорила она, и на глазах её навернулись слёзы. – Волосы у него, точно, были чёрные, как смоль и вились слегка. А как вы узнали, что волосы его вились?

– Так, – сказал Гохо. – Просто представил.

– Да, – покачала головой женщина. – Это он, Джечу.

Хозяйка унесла портрет, а Гохо улегся на полу, на соломенные циновки, и лежал так долго с закрытыми глазами. Пора уезжать, подумал он, пленэр закончился. А не махнуть ли мне во Владивосток, к другу Роману Маслову? Чтобы отдохнуть на его даче и отвлечься от всех мыслей.

Гохо поднялся и зашел в комнату Исиль. С тех пор, как она уехала, он сюда не заглядывал. Кровать аккуратно застелена покрывалом. Шторка на окне раздвинута, сквозь матовое стекло сочился дневной свет. И ничто не говорило о том, что здесь была девушка. А может, её и не было вовсе?

Гохо вышел во двор, завел машину. Он объехал остров, как сделал это несколько дней назад вместе с Исиль, остановился у кафе на берегу моря, выпил чашку кофе.

Когда он вернулся к себе, то обнаружил на пороге женские туфельки. Исиль спала на кровати, подложив под щеки сложенные вместе ладошки. На ней были джинсовые брюки и вязаный пуловер. Художник дотронулся до неё, провел рукой по волосам. Девушка открыла глаза.

– Привет! Вы, что, больше ни одной картины не написали за моё отсутствие?

– Не написал, – сознался Гохо.

– Что так?

– Не знаю.

– Я деньги ваши назад привезла.

– Зачем?

– Вы, Гохо, влюбились в меня, что ли?

– Пожалуй, так оно и есть.

– Гм... – девушка поморгала. Спросила: – И как же нам теперь быть?

– Ума не приложу, – ответил Гохо.

– Гм... Я дома была. Родителям ваша картина с ангельскими трубами очень понравилась.

– Я рад.

– Я сестренке рассказала о вас. Сказала ей, что, возможно, мы с художником уедем далеко...

– Почему же далеко?

– Здесь люди будут осуждать нас... из-за большой разницы в возрасте.

– Что нам до разговоров?

– Так-то оно так, но лучше уехать.

– Давай, уедем. В Россию, к моему другу.

– А там зимой не очень холодно?

– Нет, почти как у нас.

– Ладно. Только это... вы не будете упрекать меня, что я?..

– Мужчине не к лицу упрекать любимую женщину.

Исиль встала и обняла Гохо, прижалась к его груди.

Через месяц, в разгар осени, они уехали во Владивосток.

Сеул, январь 2019 г.

